

ЛАППО М.А.
г.Новосибирск, Россия
г. Будапешт, Венгрия

УДК 81'24
DOI 10.26170/pla20-01-09

РОССИЯ И РУССКАЯ КУЛЬТУРА В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ ВЕНГЕРСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье анализируются результаты цепочечного ассоциативного эксперимента, проведенного с носителями венгерского языка. Стимулами в данном эксперименте выступили слова *Россия* и *Oroszország*, *Венгрия* и *Magyarország*, при этом основной задачей явилось описание структуры ассоциативно-семантического поля «Россия». Автором были выявлены, во-первых, семантические признаки, моделирующие категорию «свое – чужое» (слабая выделенность водных пространств в *России*, поиск четких оппозиций различного типа в ответах на стимулы *Россия* и *Венгрия*), во-вторых, специфические стратегии предикации, которые использовали информанты (например, почти полное отсутствие синтагматических реакций). Показано, что некоторые отступления от норм графики, орфографии и грамматики в предложенных ассоциациях определяются особенностями венгерского языка и дают материал для занятий с венгерскими студентами русским языком как иностранным. Проведенный эксперимент обнаружил и лингвокультурологическую лакуну, поскольку Россия отождествляется только с русскими и русской культурой.

Ключевые слова: цепочечный ассоциативный эксперимент, языковое сознание, ассоциативно-семантическое поле, русский язык как иностранный, русская культура, языковая ошибка.

LAPPO MARINA
Novosibirsk, Russia
Budapest, Hungary

RUSSIA AND RUSSIAN CULTURE IN THE LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF HUNGARIAN NATIVE SPEAKERS

Abstract. The article analyzes the results of a chain associative experiment that was conducted with Hungarian native speakers. The stimuli in this experiment were the words *Russia* and *Oroszország*, *Hungary* and *Magyarország*, while the main task was to describe the structure of an asso-

ciative-semantic field "Russia". The author identified semantic features that model the category "one's own-another's" (weak allocation of water spaces in Russia, the search for clear oppositions of various types in responses to incentives *Russia* and *Hungary*) and specific predication strategies used by informants (such as almost complete absence of syntagmatic reactions). It is shown that some deviations from norms of graphics, spelling and grammar in the proposed associations are determined by the peculiarities of the Hungarian language and provide material for Russian as a foreign language classes with Hungarian students. Linguistic and cultural lacuna were detected by the experiment as Russia is identified only with Russians and Russian culture.

Keywords: chain associative experiment, linguistic consciousness, associative-semantic field, Russian as a foreign language, Russian culture, language mistake.

В отечественной психолингвистике было доказано, что ассоциативный эксперимент выявляет «не только фрагмент вербальной памяти человека, но и фрагмент образа мира того или иного этноса, отраженного в сознании среднего носителя той или иной культуры, его мотивов или оценок» [Уфимцева 1996: 144]. Ученые рассматривали как теоретические [Ружицкий 2010], так и прикладные аспекты цепочечного ассоциативного эксперимента [Абрамова 2018; Щербакова 2019]. В данной статье результаты цепочного ассоциативного эксперимента, в котором приняли участие носители венгерского языка, анализируются как совокупность лингвокультурологической, лингвокогнитивной и лингводидактической парадигм.

В описываемом эксперименте приняли участие 29 студентов, изучающих русский язык как иностранный или второй родной в университете или Российском культурном центре города Будапешта (уровень владения русским языком как иностранным от A1 до B2 по системе ТРКИ). Информантам было последовательно предложено записать все вербальные реакции (слова или словосочетания) в течение двух минут на каждый стимул, при этом на стимулы *Россия* и *Венгрия* нужно было записать реакции на русском языке, а на стимулы *Oroszország* и *Magyarország* – на венгерском. На стимул *Россия* было получено 229 реакций (среднее количество – 8), на стимул *Oroszország* – 185 реакций (среднее количество – 6), на стимул *Венгрия* – 140 реакций

(среднее количество – 5), на стимул *Magyarország* – 234 реакции (среднее количество – 8). Сопоставление количества разных реакций показывает большую связь понятия *Россия* и использования русского языка (или, наоборот, понятия *Magyarország* и использования венгерского языка), поскольку, как оказалось, носителям венгерского языка проще дать ассоциации на стимул *Россия* на русском языке, нежели на венгерском.

Самыми частотными реакциями на слово *Россия* были названия столицы *Москвы* (58,6%²), ее важнейшего атрибута *Кремля* (27,6%) и города *Санкт-Петербурга* (34,5%), который является неофициальным столичным городом. В первую пятерку попали также реакции *водка* (41,4%) и *большая страна* (27,6%). При подсчете реакции *Санкт-Петербург*, *Петербург* и *г. Ленинград* были объединены в одну группу. Последняя указанная реакция *большая страна* также является здесь семантическим признаком, включающим такие реакции, как *большая страна*, *самая большая страна в Евразии*, *самая большая страна мира*, *большая*, *большая территория*, *большая зона*, *огромная территория*. Восприятие страны как большого пространства отмечается респондентами и в реакциях *большие площади/большая площадь* и аномальном или не распознанном нами *большой человек*.

Кроме того, в ядро семантического поля *Россия* входят следующие единичные реакции: поддерживающие тему *Москвы* – *Большой театр*, *гостиница Москва*, *Василий Блаженный*, *ГУМ*, *МГУ*, *мавзолей/мавзолей им. Ленина*, *Красная площадь*; укрепляющие тему *Санкт-Петербурга* – *Невский проспект*, *Петр Первый/Первый Пётр*, *Летний сад*.

По Ю.Н. Караулову, ассоциативный эксперимент разворачивается по законам предикации [Караулов 1996: 95]. Следует обратить внимание на то, что все данные носителями венгерского языка реакции на стимул *Россия* являются парадигматическими, кроме единственной синтагматической реакции *большая*. Ср. с данными «Русского ассоциативного словаря», где из 109 реакций на стимул *Россия* были даны словоформы, грамматически

---

²Здесь и далее указывается процент информантов, давших такую реакцию. – М.Л.

согласующиеся с ним: *молодая 7, наша 3, великая 2, больная, большая, в нищете, во мгле, восстанавливается, любимая, многострадальная, моя, свободная 1* [Русский ассоциативный словарь 2002]. Исходя из этого можно сделать вывод о том, что носители венгерского языка, принявшие участие в эксперименте, не пользуются русским языком свободно, а совершают мысленный перевод при говорении на нем.

Носители иностранного языка часто используют другой тип предикации. Так, можно выделить значительную группу реакций, относящихся к идентификационным признакам объекта-стимула, в том случае, когда информант мысленно отвечает на вопросы: что такое Россия? где она находится? какого она размера? какое у нее государственное устройство? какая религия? какой климат?): *страна / большая страна / прекрасная страна / страна лесов и несметных богатств*; тип страны – *федерация, государство*; религия – *православие / церкви с золотыми крышами / разные религии*; правители – *Путин, Ленин, Петр Первый / Первый Пётр, президент, царь/цари*; указание на преемственность в наименовании – *СССР*; географические точки – *Волга, восток, гора Урал, города, Кавказ, Колыма, Золотое кольцо, Новгород, зима на севере, Сибирь/Сибирия*; климат – *холод, зима, зима на севере, мороз, снег, шуба, холодная, холодно*.

В «Русском ассоциативном словаре» на стимул *Россия* лексема *страна* указывается как самая частотная реакция (23 человека из 109). Сопоставление с результатами нашего эксперимента позволяет сделать вывод о том, что данная реакция, будучи идентифицирующей (архисема, входит в ядро лексического значения), является универсальной, независимой от национальной принадлежности.

Результаты ассоциативного эксперимента показывают также, что понятие *Россия* в сознании иностранцев нельзя отделить от понятия *культура России*. См. в толковом словаре: КУЛЬТУРА, -ы, ж. [латин. cultura] (*книжн.*). 1. Только ед. Совокупность человеческих достижений в подчинении природы, в технике, образовании, общественном строе. *История культуры. Развитие культуры происходит скачками*. 2. То или иное состояние общественной, хозяйственной, умственной жизни в какую-н. эпо-

ху, у какого-н. народа, класса. *Неолитическая к. К. древнего Египта. Пролетарская к.* [Словарь русского языка 1999].

Первый лексико-семантический вариант лексемы *культура* отражают такие группы реакций, как русская литература, балет, космос, оружие и техника, транспортные магистрали. Самыми многочисленными являются реакции, относящиеся к русской литературе, в том числе и по количеству разных слов (широких понятий и антропонимов, наименований литературных произведений): *русская литература, литература, Онегин* (а также слово *дэнди*, ассоциативно связанное с «Евгением Онегиным»), *Анна Каренина, Война и мир, Преступление и наказание, Братья Карамазовы, Гоголь, Достоевский, Лев Толстой, Толстой, Пушкин, Тургенев*. К другим культурным и техническим достижениям относятся *кино, балет, Лебединое озеро, театр, музыка, известные музыканты, группа Ленинград, Макс Корж (музыкант), Лада, русская машина, космические корабли, Спутник, Гагарин, автомат Калашникова*. Второй лексико-семантический вариант отражают такие реакции, как *интересные книги, высокая культура и традиции, лучшее образование*.

Анализ ассоциаций позволяет считать, что стереотипы, связанные с образом России, относятся одновременно к обоим лексико-семантическим вариантам лексемы – это и «совокупность общественных достижений», и типичные атрибуты определенного «состояния общественной, хозяйственной, умственной жизни в какую-н. эпоху, у какого-н. народа». Эти стереотипы являются маркерами образа жизни, традиций, поведения жителей России, делают его узнаваемым, позволяют с легкостью окунуться в стихию изучаемого языка: *водка 12, матрёшка 7, самовар 6, борщ 6, балет 4*, единичные реакции *балалайка, баня, самовар, чай, пирог, пельмени, медведь* и др.

Сопоставление с ассоциациями на стимул *Венгрия* позволяет очертить круг семантических признаков, проявляющих категорию «своё – чужое». Исследователи, описывающие данную категорию, прежде всего, фиксируют внимание на эмоционально-оценочном компоненте противопоставления (см. обзор [Балясникова 2017]). Наш материал выявляет несколько иные модели этой оппозиции.

Две первые самые частотные реакции являются симметричными к данным на слово *Россия*: *Будапешт 12* (включая реакции *Будапешт – самый важный город*, ***Вудапешт***, *столица, столица Будапешт*) и *вино 10* (включая *хорошее вино, много вина, вина, венгерское вино*). Симметричными являются также такие реакции, как *палинка* (ср. *водка*), *гуляш* (ср. *борщ*), *кубик Рубика* (ср. *автомат Калашникова*), *Петёфи* (ср. *Пушкин*), *Эстергом* (ср. *Новгород*), *Матра* (ср. *Урал*).

Следующие по частотности реакции – *Балатон 8* и *Дунай/Дуна 6*. Реакции с семантикой водных пространств в количественном отношении противопоставлены единичным реакциям *Волга* и *много рек*. Также много других «водных» реакций на стимул *Венгрия*: *люблю плавать, лечебная вода, Маргарит сигет* (=остров Маргит), *много купален, страна термальных вод, Тиса, Хевиз, озеро*. Очевидно, что «чужое» здесь не оценивается отрицательно, а дается как неизвестное, нерасчленённое (неизвестно, какие водоемы есть в России).

Выделяются яркие асимметричные реакции как в виде эквивалентной семантической оппозиции – *федерация* (о России) и *республика / республика от 1989, Евросоюз* (о Венгрии), так и в виде градуальной – *большая страна* (о России) и *маленькая страна* (о Венгрии). Наиболее очевидной является привативная оппозиция, когда стимул *Венгрия* дает определенные группы реакций, а *Россия* их не имеет: словосочетания со словами *мой, наш* (*мой дом, мои друзья, мои родители, моя родная страна, моя семья, моя страна, наша жизнь*), а также *здесь, тут* (*тут квартира, здесь мой дом*); лексема *семья* (в том числе проводить время вместе с семьей: *кино, театр – быть вместе с семьей, жить вместе, болеть за сборную*; члены семьи: *моя семья, муж и дочь, внук*); реакции *каникулы, лето, жара* также имеют опосредованное отношение к концепту *семья* (на каникулах вся семья собирается); лексемы *родина, жизнь, работа, любовь*. Мы видим, что ассоциативный эксперимент является актом самоидентификации, маркированием идентичности, поскольку переживание идентичности базируется на границах своего и не своего жизненного пространства.

И, наконец, проанализируем данные ассоциации с точки зрения языковой нормы. Основные реакции, содержащие языковые

ошибки, можно разделить на две группы: фонетико-орфографические и грамматические. К первой группе относятся ошибочный выбор графемы, замена русской буквы аналогичной венгерской (*Вудапешт, *Анегин³, *рисский язык), неразличение твердых и мягких согласных, следствием чего является отсутствие мягкого знака (*цар, *кремл, *медвед) или использование гласных, не передающих мягкость предыдущего согласного (*Дуна, *гэрб) и твердость в соответствии со слоговым принципом русской графики (*музика, *реп). Пример *Братя Карамазовы, по нашему мнению, демонстрирует уже следствие неразличения мягких и твердых согласных и использования ряда гласных букв как показателя мягкости предыдущего согласного. Ко второй группе относятся использование формы множественного числа у существительных, не изменяющихся по числам (*вкусные еды), отсутствие словоизменения у склоняемого существительного в форме множественного числа (*много купальня, *много реки), неверный выбор предлога (*на автобусе курение запрещено), вытеснение формы именительного падежа косвенной падежной формой (*денег: форинт) и др. Кроме того, обнаружены лексические ошибки, например, расширение лексического значения (*церкви с золотыми крышами вместо *золотыми куполами*), и словообразовательные инновации (*Сибирия – по аналогии с *Италия, Венгрия, Испания* и под.). Все фонетико-орфографические и некоторые грамматические ошибки объясняются внутри- или межъязыковой интерференцией.

Эти наблюдения за отрицательным языковым материалом очерчивают культурные и собственно языковые лакуны носителей венгерского языка, выявляют специфику венгерского языка и дают материал для обучения и дальнейшего знакомства с русской культурой и языком.

Подведем итоги. Цепочечный ассоциативный эксперимент выявляет специфику речевой деятельности на родном и иностранных языках. Наряду с универсальными способами речепорождения, в данном случае, использования архисемы топонима *Россия*, венгерские информанты применили стратегии, не свой-

---

³В венгерском языке «Онегин» транслитерируется как *Anyegin*.

ственные носителям русского языка и русского культуры. Очевидно, что они активно используют идентификационные семантические показатели (тип страны, религия, география), при этом акцент делается на столичных городах. Столкновение в эксперименте стимула *Россия* со стимулом *Венгрия* задавало четкие оппозиции ассоциативно-семантического поля: тип государственного устройства, размер, деньги, климат, стереотипные атрибуты (*водка – палинка, борщ – гуляш, автомат Калашникова – кубик Рубика*).

Значительную часть реакций на стимул *Россия* можно соотносить с понятием *русская культура*, следовательно, Россия преимущественно отождествляется с русским народом и его традициями. С одной стороны, этим опровергается существующее сегодня в методике РКИ предположение, что русский язык можно изучать «сам по себе», независимо от русской культуры; с другой стороны, обнаруживается лингвокультурологическая лакуна (Россия не отождествляется с другими национальностями, языками и культурами, к ней относящимися).

Литература

Абрамова Н.С. Психолингвистический эксперимент как метод диагностики профессиональных ожиданий // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2018. № 16. – С. 130–138.

Балясникова О.В. «Свой – чужой»: Психолингвистические аспекты исследования: (На материале русского языка). – М., 2017.

Караулов Ю.Н. Типы коммуникативного поведения носителя языка в ситуации лингвистического эксперимента // Этнокультурная специфика языкового сознания / под ред. Н.В. Уфимцевой. – М., 1996. – С. 67–96.

Ружицкий И.В. Цепочка ассоциаций как единица восприятия. Россия и русские в языковом сознании носителей иных культур // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семантика. 2010. № 3. – С. 19–27.

Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. Т. I. От стимула к реакции. – М., 2002.

Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. – М., 1999.

Уфимцева Н.В. Русские: Опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 1996. – С. 139–162.

Щербакова Н.Н. Использование данных ассоциативного эксперимента для выявления проблем адаптации первокурсников // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2019. № 17. – С. 208–216.

© Лаппо М.А., 2020

Лаппо Марина Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и методики его преподавания. Новосибирский государственный педагогический университет (Новосибирск, Россия).

Католический университет им. П. Пазмания (Будапешт, Венгрия)

Адрес: 630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28

E-mail: marine.lappo@yandex.ru

Lappo Marina Aleksandrovna – Doctor of Philology, Professor of the Department of the Modern Russian Language and Methods of its Teaching. Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia).

Pázmány Péter Catholic University (Budapest, Hungary)